

К 80-летию Сталинградской битвы

ПИСЬМА СОЛДАТ С ФРОНТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Миниханов Ф. Г., кандидат исторических наук

LETTERS FROM THE FRONT AS A HISTORICAL SOURCE

Minikhanov F. G.

В 2023 г. исполняется 80 лет одному из важных исторических событий Второй мировой войны – Сталинградской битве. Чем больше времени отделяет нас от этой исторической даты, тем внимательнее мы вчитываемся в документальные источники того периода, чтобы дать объективный анализ событиям переломного момента истории нашей страны. И сегодня, в юбилейный год, не утихает полемика о тех драматических батальных на Волге лета и осени 1942 – зимы 1943 г. Несмотря на обилие публикаций, важнейшие вопросы нуждаются в серьезном переосмыслении. Многие проблемы войны до сих пор плохо документированы в исторической литературе и слабо изучены¹. Объективному анализу трагических событий 1939–1945 гг. препятствует и закрытость российских архивов. В 2020 г. был продлен режим секретности данных о Второй Мировой войне до 2040 г.

На наш взгляд, более глубокого изучения требуют ключевые, переломные события начального периода войны, боевых операций

лета и осени 1942 г., в том числе Сталинградской битвы, ошибки и просчеты командования, и главное – цена победы. К сожалению, до сих пор не установлена окончательная, достоверная цифра потерь Советского Союза на фронтах Великой Отечественной войны. Долгие годы сведения о погибших были самой неисследованной страницей в истории войны. Мы, дети и внуки победителей, десятки лет оставались в неведении об истинной цене Великой Победы. Из всех стран-участниц Второй мировой войны Россия – единственная, которая до сих пор до конца не знает свои людские потери². По разным причинам занижалось число жертв. До 1960-х гг. называлась цифра 7 млн, в 1965–1980-е гг. – 20 млн чел., 8 мая 1990 г. была озвучена цифра 27 млн погибших. В парламентских слушаниях в Государственной Думе 14 февраля 2013 г. было заявлено, что «безвозвратные потери населения СССР в результате действия факторов войны составили 41 млн 979 тысяч человек»³.

О сохранении исторической памяти, предотвращении фальсификаций истории Великой Отечественной войны, объективном ее изучении и освещении неоднократно говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Так, 4 ноября 2022 г. на встрече с членами Российского исторического и Российского военно-исторического обществ он подчеркивал, что «для государства, власти, общества, граждан крайне важны объективные, полные знания о нашем прошлом: и далеком прошлом, и близком, недавнем. Все здесь имеет значение, особенно сегодня, а значит, растет запрос и на работу высокопрофессиональных историков, ученых, вузовских преподавателей, школьных учителей»⁴. Такую же позицию Президент России изложил в своей речи перед ветеранами Великой Отечественной войны, посвященной 80-летию Сталинградской битвы 2 февраля 2023 г.⁵

Однако главные подходы к описанию событий Второй мировой и Великой Отечественных войн и сегодня остаются незыблемыми: война – это победы, единство фронта и тыла, героизм солдат, мудрость полководцев и т. д. Все еще создаются вымышленные легенды и мифы о народных героях, полководцах, блестящих победах. Но сама Великая Отечественная – не только война и не только победа, но и страшная трагедия, поэтому она нуждается в более сосредоточенном и глубоком к себе отношении, более целостном и даже более скорбном осмыслении.

Правда, некоторые попытки изменить положение дел предпри-

нимались в эпоху перестройки и гласности. В 1990-е гг., благодаря рассекречиванию некоторых архивных фондов, в том числе КГБ, а также появлению новых мемуаров участников Великой Отечественной войны мы узнали, что была другая война, другая победа и другие жертвы. Например, в 2000 г. московский издательский дом «Звонница-МГ» выпустил сборник, посвященный Сталинградской битве. В нем впервые публикуются рассекреченные материалы двух оперативных подразделений НКВД СССР, которые воссоздают картину противостояния двух противоборствовавших сил – Красной Армии и вермахта⁶.

Из документальных источников, опубликованных в 1990-е – начале 2000-х гг., мы узнали ранее неизвестные страницы о повседневной жизни солдат и офицеров непосредственно в условиях военных действий. Особенно важную роль здесь играют солдатские письма, которые открывают совсем другое лицо войны и показывают ее изнутри. Благодаря им «окопная правда» становится достоянием широкой общественности. Письма с фронта придают сражениям Великой Отечественной войны человеческое измерение, в них предстает субъективная реальность войны.

Письмам военного времени характерны некоторые отличия от других видов источников. Это их содержание, а также такие особенности, как шифровка адресов (полевая почта № ...) и вмешательство военной цензуры. Военная цензура была по обе стороны фронта. Но, в отличие от

нашей, немецкая цензура в начальный период войны была мягче. Она изымала только письма антифашистского, антинацистского характера, и письма, содержащие военные секреты. В Советском Союзе деятельность военной цензуры кардинально отличалась от немецкой, охватывала практически все стороны военной, политической и экономической жизни страны. Сбором материалов в основном занимались два оперативно-чекистских подразделения Наркомата внутренних дел СССР: управления особых отделов и 3-го отделения 2-го специального отдела. В условиях приближающейся войны и ее начала для налаживания эффективных действий военной контрразведки во фронтовой обстановке проводилась реформа органов госбезопасности. В феврале 1941 г. НКВД был разделен на два наркомата: НКВД (Л. П. Берия) и НКГБ (В. И. Меркулов). Тогда же был расформирован особый отдел ГУГБ НКВД СССР, его функции были переданы вновь созданным 3-м управлениям⁷. Многочисленные преобразования силовых структур были завершены 20 июля 1941 г. объединением НКВД и НКГБ в единый наркомат Внутренних дел во главе с Л. П. Берией⁸.

В ходе реорганизации 3-го управления Народного комиссариата обороны и слияния наркомов внутренних дел и государственной безопасности общее руководство военной цензурой было передано 2-му специальному отделу НКВД, занимавшемуся оперативной техникой. На него была возложена борьба со шпионажем и предательством.

Согласно установленному порядку, для предотвращения разглашения военной тайны, а также «распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных сведений через красноармейскую почту», часть адресованной на фронт корреспонденции и *все письма* (выделено нами. – Ф.М.), отправлявшиеся из действующей армии, просматривались в отделениях военной цензуры. Вся подвергаемая досмотру корреспонденция вскрывалась и помечалась штампом «Просмотрено военной цензурой» и разделялась на три группы; – «одобрительные», «проблемные» и «критические» (антисоветские)⁹. В сводках военной цензуры одобрительные письма составляли подавляющее большинство. Так, в сводке отделения Военной цензуры Особого отдела НКВД Сталинградского фронта «О перлюстрации писем», количество одобрительных писем составляло 187767 из 190367 просмотренных писем с 15 по 31 июля 1942 г. (98,6%). Среди них писем семейно-бытового характера было 105372 (55,3%), с положительными сообщениями 82395 (43,3%), а писем с отрицательными сообщениями всего 2600¹⁰. По словам военного цензора 62 армии Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, «многие письма отражают здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии»¹¹.

Анализируя первую группу корреспонденций, особенно семейно-

бытового характера, замечаешь, что главным в письмах красноармейцев было стремление как-то успокоить своих близких, показать, что им живется не так уж плохо, и они не так рискуют, как пытаются представить в тылу их родные. В каждом письме солдат передает привет десяткам людей, спрашивает о здоровье родных, соседей, интересуется жизнью односельчан, погодой и т. д. Они написаны простым, бесхитростным языком, в основном о том, что их волнует, как например, в письмах уроженца Черемшанского района ТАССР Рафгата Ахтямова. В них, например, он спрашивает родителей: «Нынче кто-нибудь сделал ли скворечник? Весной, когда сойдет снег, сходите на кладбище и поправьте могилы родных. Если не сделаете, то я обижусь», или: «Смогли ли заготовить сено? Как поспевают огурцы... Очень скучаю по своей гармошке, так хочется поиграть»¹². Вот в таких незатейливых и не очень грамотных восточках домой видишь неподдельность чувств, тоску по дому и светлую любовь к родным.

При обработке проблемных и части одобрительных писем, военные цензоры вымарывали («подвергали затушевке») отдельные фразы, содержавшие запрещенные сведения, а «критические» конфисковывали и уничтожали. Круг изымаемых писем был довольно широк. Из сводок военной цензуры особых отделов НКВД видно, какого содержания письма конфисковали и по каким мотивам. Основаниями для изымания корреспонденции были следующие: письма антисоветского и провокаци-

онного характера; побуждение к дезертирству и о дезертирстве; жалобы солдат и семей военнослужащих; сообщения о результатах бомбежек вражеской авиации; об эпидемических заболеваниях; реагирования в связи с эвакуацией с прифронтовых районов; реагирования в связи с отступлением Красной Армии; упаднические; религиозные; написанные на немецкой бумаге с изображением символики германской армии или рода войск; написанные на портретах вождей партии и правительства; разное¹³.

Кроме источников личного происхождения, высокой информационной насыщенностью обладают документы официального происхождения (донесения, докладные и служебные записки), где значительное место уделяется обзору конфискованных солдатских писем и скрупулезно фиксируются настроения не только представителей различных групп военнослужащих – от рядовых и офицерского состава до генералитета, а также населения воюющих сторон и органов власти. Специальные сообщения и сводки о перлюстрации красноармейской почты и отмеченные в них настроения можно также разделить на 3 группы: одобрительные, проблемные и критические. В документах видна и реакция на поражения Красной Армии, на мероприятия командования, недостатки в снабжении, медицинском обслуживании личного состава и другие проблемы фронта и тыла, вплоть до мнений о перспективах и планах союзников по антигитлеровской коалиции.

Конфискованные письма позволяют более полно раскрыть такие малоисследованные и слабо документированные в исторической литературе проблемы истории Великой Отечественной войны, как война и общество, тенденции развития общественных настроений, наиболее распространенные ожидания и психологические установки людей в экстремальных условиях войны. Особенно важно и ценно сравнение настроения солдат по обе стороны советско-германского фронта в динамике на протяжении как оборонительного, так и наступательного этапов битвы. Документы (письма, сводки, спецсообщения, донесения, докладные и служебные записки, допросы пленных и т.д.) демонстрируют широкий спектр настроений, как в противоборствующих армиях, так и среди гражданского населения.

Отметим, что в разные периоды войны мотивы конфискации писем менялись со сложившейся военной обстановкой. В начальный период войны большой процент изъятой корреспонденции составляли письма, содержащие жалобы на плохое питание, информацию о потерях, а также выражающие недоверие официальной пропаганде. Так в «Спецсообщении военной цензуры «О политико-моральном состоянии бойцов 57 армии Южного фронта» отмечается: «Из всех просмотренных военных цензурой установлено 9286 документов положительного характера. Наряду с этим «выявлено 7023 случая с отрицательными высказываниями о положении дел на фронте, а также письма, в которых

содержатся сведения, не подлежащие оглашению (о местонахождении воинских частей, жалобы на плохое питание (331 случай), на вшивость (12 случаев), а также данные о потерях, реагирования на отступление наших войск, бомбежки и эвакуацию»¹⁴. Эти и другие документы свидетельствуют, что даже спустя год после начала войны снабжение войск продовольствием не отвечало требованиям военного времени, солдаты часто жили и воевали впроголодь. Письмо бойца Умара Дизирова подтверждает, что положение с питанием солдат было плачевным, если не отчаянным: «Лазим по воде выше колена, мы голодные, паек очень малый, сыты никак не бываем, а купить за деньги – ничего не купишь». Даже если все-таки еда доставлялась солдатам на передовую, она была не лучшего качества. Например, в письме бойца Сталинградского фронта А. П. Толикова матери (май 1942 г.) читаем: «Насчет продуктов трудновато. По 50 гр. хлеба на день, 2 раза приварок, а приварок такой – пшено и горох, больше ничего нет»¹⁵.

В период оборонительных боев летом и осенью 1942 г. количество таких писем резко увеличивается. Это подтверждается в докладной записке военного цензора, где он отмечает, что «из месяца в месяц количество задерживаемых писем такого характера не снижается, напротив, имеет тенденцию к еще большему росту»¹⁶. Таким положение оставалось до конца 1942 г. и даже начала 1943 г. Невозможно без боли и содрогания читать письмо бойца Агапова своим родным. В разгар обо-

ронительных боев за Сталинград (август, 1942 г.) он пишет: «...Нахожусь в очень плохом положении. Вот уже три дня, как я не кушал. Немец очень сильно бомбит, а я лежу в окопе голодный, на спине пулемет, а стрелять нет сил, хочется кушать и кушать»¹⁷.

Следующую группу по количеству конфискованных писем составляют письма, содержащие информацию о пораженческих настроениях в рядах Красной Армии и выражающие недоверие официальной пропаганде¹⁸. В донесении особого отдела НКВД Сталинградского фронта заместителю народного комиссара обороны В. С. Абакумову сотрудник органов государственной безопасности Р. Р. Селивановский сообщает «о многочисленных фактах панических, антисоветских и пораженческих проявлений, как среди рядового, так и командного состава штаба фронта». «Среди рядового и командного состава фронта, – пишет он, – зафиксированы факты антисоветских и пораженческих настроений, в связи с отходом наших частей»¹⁹. Даже беглый анализ писем и высказываний солдат и офицеров позволяет сделать вывод, что тезису «война недолго, победа малой кровью» уже мало кто верил. На полях сражений они убедились в силе и мощи вермахта. Так начальник отдела укомплектования майор Антонов открыто заявлял: «...Положение у нас крайне тяжелое, почти безысходное; если бы нашелся такой человек, который приостановил эту бойню, это был бы гений и вождь. Так мы довольемся, что на Урале не удержим-

ся»²⁰. Недоверие победе выражено и в словах капитана Погорелова: «...Войну мы ведем, но кто знает, к чему это приведет. Сколько не посылает на фронт техники и живой силы – все уничтожается»²¹. Командир 214 артполка 38 дивизии подполковник Н. Гурылев с горечью признавал: «Большим шумом готовились к войне, а когда соприкоснулись с противником, то он нас разбил. У немцев техника, а у нас еще больше крови»²². А вот некоторые фрагменты писем рядовых А. Колесникова и С. Пилипчука: «...Немецкая армия культурнее и сильнее нашей армии. Нам немцев не победить. Смотрите у немцев какая техника, а у нас, что за самолеты – какие-то кукурузники»; «...видно по ходу войны, что Красная Армия не победит немецкой армии...»²³.

Большой процент изъятой корреспонденции составляли письма, содержащие информацию о потерях в войсках и выражающие недоверие к официальной пропаганде. Скажем, интендант третьего ранга Фингерут писал: «Я больше не верю ни газетам, ни радио, когда они передают сведения об обстановке на фронтах». Общее для многих, если не для большинства солдат, мнение выразил военврач Феклин: «...Если подсчитать по сообщениям информбюро, сколько сбито самолетов, уничтожено солдат, танков, то немецкая армия давно должна быть разбита, а на деле она наступает. В газетах пишут неверно. Верховное командование не знает истинного положения дел на фронтах»²⁴.

Для немцев период их наступления на Сталинград летом и осенью 1942 г. характеризуется постепенной утратой уверенности в успехе блицкрига. Захваченные советскими войсками письма немецких солдат свидетельствуют, что воодушевление, которое было первые месяцы сражений, сменяется сомнениями, подавленным настроением, война начинает представляться долгой и бесперспективной. По донесениям Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, за первую половину августа «в гитлеровской армии участились факты антивоенных высказываний и отказ от выполнения приказов командиров»²⁵. Хотя летом и в начале осени фашисты еще наступали, в письмах немецких солдат стали преобладать пессимистические взгляды относительно сроков войны и ее перспектив. Примечательно в этом плане письмо солдата Гана: «Эта война бесконечная. Мы представляли себе сначала, что когда немецкие войска займут, скажем, Украину, Москва подпишет кабальный договор и дело закончится. Но большевики оказались упорными людьми, и мы вынуждены углубляться все дальше и дальше в глубь России, а это очень опасно и совершенно бесперспективно»²⁶. В сентябрьских докладных записках Особых отделов НКВД Юго-Восточного фронта говорится, что в своих письмах «немецкие солдаты и офицеры признают провал плана наступления на Сталинград, и что немецкое командование недооценило русских сил, так как кругом говорили, что война вот-вот заканчивается.

Теперь снова приходится разочароваться – и это не в первый раз» [оригинал документа цензора, стиль сохранен. – Ф.Г.]²⁷. Крах блицкрига, крушение иллюзий и неуверенность порождали озлобление: «Мы покажем русским, что такое немецкая метла. Там, где проходит немецкий солдат, даже трава уже больше не растет», – пишет тот же немецкий солдат Ганс Цей Эмили Цей. Как видим, тактика «выжженной земли» приобретает реальные очертания. В своих письмах в Германию солдаты вермахта открыто, с удовольствием сообщают о мародерствах, об издевательствах над мирным населением и охотно делятся с родственниками и знакомыми. Из письма обер-ефрейтора вермахта Г. Вигребе брату (30 сентября 1942 г.): «На днях мы отправились в разведку и увидели двух русских. Одного пристрелили, другой убежал, при этом бросив вещевой мешок, в котором оказались сухари и концентрат. Мы его немедленно стали варить...»²⁸. Случаи мародерства, грабежа местного населения становятся повсеместными, а немецкие солдаты, по показаниям радиста полка связи, считают это «правом воина», «законом войны»²⁹. Грабежи и насилия по существу поощрялись самим командованием. Так, в приказе моторизованной дивизии от 22 июля 1942 г. сказано: «... Продовольствие изыскать на месте. Со снабжением в настоящее время считаться не приходится»³⁰. К грабежу и мародерству немецких солдат в своих письмах из тыла подталкивают и их родственники, друзья, знакомые. Таких писем очень много, осо-

бенно на первом этапе битвы. Для иллюстрации приведем несколько их них. Из письма Канцлер своему мужу обер-фельдфебелю Гансу Кинцлеру*: «...Скажи, есть ли там каракуль или другие меха. Я так хотела бы сделать для детей белые меховые пальто... Пожалуйста, поищи там что-нибудь подходящее»; Гари Грассе от родственника И. Гельмут: «Доставь мне подарок из России – все равно, что бы это ни было»; солдату Краузе от брата: «...Мне рассказал один солдат, который лежал здесь в госпитале, что они обычно забирают у пленных русских сапоги. Эти сапоги очень хорошего качества. Не сможешь ли ты мне выслать хотя бы пару сапог»³¹.

В письмах германских военнослужащих и их семей, захваченных с сентября по декабрь 1942 г., по сравнению с предыдущими периодами войны меняется тон. Они свидетельствуют об экономических трудностях, переживаемых фашистским тылом, о моральном состоянии различных групп населения. Вот что пишет солдату Францу Мюллеру его соотечественник (товарищ) из Германии: «...Скоро ли кончится это свинство. Мы получаем теперь меньше хлеба: всего полтора кило на человека в неделю, 300 гр. масла на человека в неделю и одно кило муки на весь месяц. Когда кончится картошка, бог знает, что мы будем кушать. Тогда пойдут в ход майские жуки, молодые лягушки, вороны...»³². В отличие от прежней корреспонденции, в письмах нет веры не только в быструю победу,

но и в победу вообще: «...Дорогой Гельмут, – пишут родители своему сыну, – мы купили себе карту России: Сталино [Сталинград. – Ф.Г.] там очень далеко внизу. Если вы хотите оттуда попасть в Москву, то это далековато. Лучше оставьте это и возвращайтесь домой. Эта война никогда не покажется легкой, все несчастья обрушились на нас и уже не веришь, что мир когда-нибудь будет хорош»³³. Хотя в письмах пока нет открытой критики нацистского руководства и его политики, но недовольство определенной части солдат и населения Германии войной выражено откровенно. Участились случаи дезертирства и пораженческие настроения и у части немецких солдат. «Солдаты нашей роты воевали под страхом расстрела, – пишет немецкий пленный Р. Диккерт. – Во время боя офицеры все время наблюдают за солдатами и при малейшей попытке сдаться в плен или уклониться от боя расстреливают на месте»³⁴.

В декабрьских письмах 1942 г. недовольство переходит к робкой критике войны и режима. Без комментариев приведем несколько выдержек из них: «...Мои дорогие, для нас наступило ужасное время. За мою солдатскую жизнь не было еще такой ожесточенной борьбы и опасности, ...мы ведем теперь войну, какую никогда до сих пор не вели»; «Пора бы войне закончиться, так как повсюду не хватает людей... Что принесет нам 1943 г.»; «Кто бы мог подумать, что после таких, богатых битвами весны и лета, нас постигнет столько страданий... С едой становится

* Различие в написании фамилий соответствует документу.

все хуже»³⁵; «Хватит! Мы с тобой не заслужили такой участи... Да, Кати, война ужасна, я все это знаю, как солдат. До сих пор я не писал об этом, но теперь молчать нельзя. Хоть раз я напишу тебе правду...»; «Покажется ли над горизонтом заря надежды? Покинем ли мы когда-нибудь Россию»³⁶.

Анализируя армейскую почту воюющих сторон, необходимо обратить внимание на содержание писем советских и немецких солдат. Прежде всего, в них отражается разница в менталитете. В письмах красноармейцев, как отмечено выше, главное – успокоить своих близких, что они живы, здоровы, воюют, бьют врага. Письма немецких солдат – обратного, иного содержания. Кажется, они намеренно грузят родственников своими проблемами, жалобами, пытаются перенести часть своих испытаний на близких. Таких писем также очень много, особенно на втором этапе Сталинградской битвы. Приведем несколько характерных выдержек: «...Лучше не говорить Родине всего. Скажу лишь одно то, что в Германии называют величайшим героизмом, есть лишь величайшая бойня... Кладбища вырастали каждый час»; «...Здесь все так плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером

глоток кофе...»; «Каждый мечтает только об одном, жить, выжить... Я хочу, чтоб вы знали, что я делаю сейчас и что делал недавно. Вы не должны оставаться в неведении»³⁷. Так и слышится: «вы должны знать, как я здесь страдаю, пострадайте и вы вместе со мной!» Здесь важен еще такой момент: к началу второго года войны прозрение стало приходиться к немецким солдатам. Читая письма, сразу замечаешь, во что превратила людей война, и в каком положении оказались самоуверенные «цивилизованные» немцы, которые едят майских жуков и пристреливают собак.

В заключение отметим, что солдатские письма в силу их индивидуального характера позволяют воссоздать атмосферу военного времени, увидеть реальную картину войны. Они предоставляют возможность извлечь из войны уроки, чтобы такое больше не повторилось. Из них мы узнаем, как воевали и жили солдаты, чем делились с родными, о чем мечтали и на что надеялись. В них правда о войне, прежде всего окопная правда. И в каждом письме – человек, его душевный настрой, моральное состояние. Возможно, именно здесь следует искать ключ к пониманию истоков и причин победы нашего народа в этой тяжелейшей войне.

Сведения об авторе: Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: fidail1956@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе изучения обширного и малоизученного комплекса неопубликованных эпистолярных источников – конфискованных цензурой фронтовых писем солдат – предпринята попытка воссоздать и показать реальную, целостную картину Сталинградской битвы. Значительное внимание уделено анализу морально-психо-

логического состояния солдат противоборствующих армий. По мнению автора, исследование военных писем позволяет также проследить процесс складывания целого ряда идеологем и осмыслить механизмы их трансляции и фиксации в социальной памяти поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Красная армия, вермахт, письма, цензура, цензор, исторический источник.

Abstract. In the article, based on the study of an extensive and little-studied complex of unpublished epistolary sources – front-line letters of soldiers confiscated by censorship – an attempt was made to recreate and show a real, integral picture of the Battle of Stalingrad. Considerable attention is paid to the analysis of the moral and psychological state of the soldiers of the opposing armies. According to the author, the study of military letters also makes it possible to trace the process of folding a number of ideologemes and comprehend the mechanisms of their translation and fixation in the social memory of generations.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Red Army, Wehrmacht, letters, censorship, censor, historical source.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1 Миниханов Ф. Г. Война изнутри: солдатские письма с фронта // Вестник Казанского университета культуры и искусств. – 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 103.

2 Книга Памяти. Т. 28. – Казань: ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2021. – С. 8.

3 Там же. – С. 15.

4 Выступление Президента на встрече с историками и представителями традиционных религий // <https://historyrussia.org/sobytiya/vystuplenie-prezidenta-na-vstreche-s-istorikami-i-predstavitelnyami-traditsionnykh-religij.html>.

5 Учитель истории – Сталинград // Российская газета. – 2023. – 3 февраля.

6 Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры / сост. А. Т. Жадобин и др. – М.: Звонница–МГ, 2000. – 492 с.

7 Там же. – С. 7.

8 Там же.

9 Там же.

10 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50–50 об.

11 Там же. Л. 63.

12 Все они хотели жить: Фронтовые письма погибших солдат, воспоминания ветеранов войны / сост. Н. С. Фролов. – Казань: Татарское республиканское изд-во «ХЭтер» (ТаРИХ), 2003. – С. 24.

13 ЦА ФСБ РФ. Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50 (копия).

14 Там же. Ф. 14. Оп. 5, Д. 96. Л. 84–85.

15 Там же. Л. 89–90.

16 Там же. Л. 91.

17 Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 18.

18 Там же. Л. 161–164.

19 Там же. Д. 912. Л. 158.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же. Л. 1–2.

23 Там же. Л. 3, 153.

24 Там же. Л. 153–154.

25 Там же. Д. 326. Л. 269.

26 Там же. Л. 269.

27 Там же. Оп. 22. Д. 144. Л. 155, 156.

28 Там же. Ф. 41. Оп. 51. Д. 3. Л. 7.

29 Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 326. Л. 266.

30 Там же.

31 Там же. Л. 167–168.

32 Там же. Д. 943. Л. 38.

33 Там же. Д. 326. Л. 168.

34 Там же. Д. 912. Л. 183.

35 Там же. Ф. 40. Оп. 28. Л. 53, 72.

36 Разгром немцев под Сталинградом: Признание врага. – М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны, 1944. – С. 54, 57–58.

37 Миниханов Ф.Г. Война изнутри: солдатские письма с фронта // Вестник КазГУКИ. – 2015. – С. 106–107.